

ЩЕДРОСТЬ ТАЛАНТА

В ЭТИ дни Сергею Петровичу Бородину исполнилось бы 80 лет.

Советскому читателю Бородин известен преимущественно как автор двух масштабных исторических произведений: романа «Дмитрий Донской» и эпоса «Звезды над Самаркандом». Но это — итоги творческой зрелости, первые же шаги в искусстве слова были сделаны Бородиным необычайно рано: уже в 12 лет он был автором настоящей публикации: в приложении к журналу «Путевой огонек» за 1914 год был напечатан очерк о старинном русском городе Белеве, где прошло его детство.

Когда С. Бородин поступал в Московский литературно-художественный институт, как он вспоминал впоследствии, приложил к документам, «две или три тетрадки своих стихов», которые уже тогда «удостоились похвалы В. Брюсова».

В студенческие годы произошла первая встреча Сергея Бородина со Средней Азией. Летом 1923 года он едет в Бухару в качестве сотрудника этнографического музея, позднее — с корреспондентским удостоверением московских газет — он попадает в Самарканд. «Вступлением в новый, неведомый, привлекательный мир» назовет он позже эти поездки. Богатство полученных впечатлений определялось не только экзотическим своеобразием края, но, главным образом, знакомством с его людьми — и с выдающимся государственным деятелем Файзуллою Ходжаевым, и с основоположниками новой литературы Хамзой и Садреддином Айни, и с бесчисленными мастерами, ремесленниками, с теми, чье имя — узбекский народ.

Двадцатые годы, период журналистской работы, стали школой для начинающего прозаика — в конце их появляются первые крупные очерки и новеллы. Правда, очень немногое из написанного в этот период включит впоследствии требовательный к себе мастер в свои

собрания сочинений. Заглавный том его прижизненно-шеститомника получит объединяющее название «Тридцатые годы». Именно в начале 30-х годов появляются значительные произведения, которые обратят на себя внимание критики и читателей и принесут Бородину первую известность. Это — романы «Последняя Бухара» и «Египтянин», цикл новелл «Мастер птиц». Тема их — рождение нового человека, место действия — Узбекистан. Знаменателен и псевдоним молодого прозаика: Амир Саргиджан. Этим именем он подписывал все свои произведения до романа «Дмитрий Донской». Возможно, так называли Сергея Бородина его новые друзья в Бухаре и Самарканде. Два первых романа Бородина можно определить как поиски героя. Немало здесь было спорного, сложного, а порой и нарочито усложненного и художественная конструкция этих произведений. В этих произведениях события как бы заслоняют человека, стремительный темп времени мешает разглядеть его конкретные черты. В середине 30-х годов Бородин окончательно определяет направление своих творческих поисков, избирает монументальный исторический жанр. О своих раздумьях, предшествующих работе над «Дмитрием Донским», он писал: «Это не было бегством от современной темы. Наоборот, в истории я хотел рассмотреть путь, по которому из далекого далека наш народ пришел к своему настоящему... Я хотел увидеть дальнейшее бытие глазами советского человека...» (т. VI, стр. 239).

Огромная подготовительная работа предшествовала написанию романа — труд художника был предварен трудом историка. Поиски документов, рукописей той поры, изучение памятников быта и культуры в библиотеках, архивах, музеях — все это заняло немало времени. Роман был закончен в конце 1940 года и опубликован в первых номерах журнала «Красная новь» за

1941 год. Историческое произведение оказалось исключительно злободневным, роман об одном из важнейших ключевых моментов истории нашего народа, о начале освобождения от татарского ига, о выдающейся победе русского оружия стал необходимой книгой в первые, самые трудные годы Отечественной войны.

Названный именем центрального героя, роман Бородина — не биография князя Дмитрия Донского, а рассказ о патриотической борьбе русского народа с ненавистным и исторически изжившим себя татарским игом. Дмитрий — государственный деятель, сумевший объединить и сплотить вокруг себя все силы национального сопротивления.

В 1942 году роману «Дмитрий Донской» была присуждена Государственная премия. Уже в сороковые годы он был переведен на многие языки мира.

После войны творческая мысль писателя вновь возвращается к темам из русской истории. Появляется замысел романа о великом русском художнике Андрее Рублеве, чей образ уже появлялся как эпизодический в романе «Дмитрий Донской». Написано несколько глав романа о Иване Калите. Но окончательный выбор темы был определен мыслями о том, что закончившейся войне, тревогой большого художника о сохранении так дорого завоеванного.

И вот — роман о Тимуре, современнике Дмитрия. Часть материала, собранного прежде, стала основой для новых архивных изысканий. Но возникла потребность ощутить живую, сегодняшнюю действительность того края, где происходило действие его нового замысла. И Бородин навсегда переселяется в Ташкент.

Как свидетельствовал сам писатель, «по своей проблематике «Звезды над Самаркандом» соприкасаются с «Дмитрием Донским». Однако это проблемное и тематическое «соприкосновение»

было скорее конкретным, чем параллельным.

«Дмитрий Донской» — роман о национально-освободительной борьбе и о деятели, в силу исторических обстоятельств и личных качеств сумевшем возглавить эту борьбу. Иную и значительно более трудную задачу ставил перед собой Бородин в «Звездах над Самаркандом».

«На сей раз я решил показать особый тип завоевателя, некий «надчеловеческий», патологический тип, повторяющийся в веках, решил исследовать причины, ставящие подобную личность во главе государства, и само это государство — чудовищное тоталитарное образование, поглощающее все вокруг» (т. VI, с. 462). Сложность замысла подсказала и форму его воплощения. Новое произведение стало складываться как обширная, многотомная эпопея по бесмертной пушкинской формуле: «судьба человеческая и судьба народная».

Роман Бородина, если так можно выразиться, «многонационален» — Средняя Азия, Россия, Золотая Орда, Индия, Турция, Грузия, Армения, Азербайджан, Китай, арабские страны, некоторые государства Запада.

Разобщенность, внутренние распри делают многие народы и страны легкой добычей тимуровской агрессии. Но писателю ясна и историческая перспектива: «Народ спаян теснее, чем полагают тираны: невидимый до поры, едва лишь тлеющий огонек сопротивления, перебега, охватывает уцелевших. Народ всегда воспринимает завоевателя как явление ненормальное, преходящее. Силы отпора, возникающие пусть исподволь и постепенно, в результате берут верх» (т. VI, с. 465—466). И в каждой стране Тимуру противостоят не только воины, но и мастера, созидатели, те, кто творит бессмертную культуру народа. Такие люди есть и в его родном Самарканде, где живы предки легендарных сарбадоров, первыми восставших против монгольского ига;

именно они становятся вдохновителями сопротивления тимуровскому войску. «Хозяевами своей земли» называет их Бородин.

Сбережение национальной культуры по концепции Бородина — историка — одна из важнейших сторон исторического самоутверждения народов. Судьбы духовной и материальной культуры, создаваемой и хранящейся народом, в понимании Бородина значительно шире проблем узконациональных. Поэтому преступления против культуры, совершаемые завоевателями, в глазах Бородина — преступления перед всем человечеством.

История с большой буквы — главный герой эпопеи Бородина. И в этой истории Тимур, Баязеты, Чингизханы и Тохтамыш — трагический зигзаг, тормоз неодолимого поступательного развития. Они могут только затормозить жизнь, но не остановить ее навечно. А жизнь народа — в неустанном повседневном созидании.

Сергей Петрович Бородин умер в 1974 году, не успев завершить главный труд своей жизни. Четвертая книга эпопеи-тетралогии «Звезды над Самаркандом» — «Белый конь» осталась в набросках. Они опубликованы и позволяют судить о глубине и значительности замысла.

Гуманистический, жизнеутверждающий пафос книг Бородина, их историческая и психологическая правдивость, точность и совершенство стиля, определяют их место в нашей многонациональной литературе — в том же ряду, что и вершины исторического жанра.

Традиция Бородина — исторического романиста оказалась плодотворной для его младших современников, особенно в русской и узбекской эпической прозе: для И. Калашникова и М. Симашко, К. Икрамова и А. Якубова, П. Кадырова и Мирмухсина. Неизменно живое его творчество и в благодарной памяти советского читателя.

И. ТЕМКИНА,

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка и литературы Академии наук УзССР.